

К. Иванов, Л. Р. Супрун-Белевич (Минск)

ЯЗЫКОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ БАСЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКИХ ПЕРЕВОДОВ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА)

Талант И. А. Крылова-баснописца заключается в умении в пределах одного текста гармонично объединить элементы живой речи и элементы различных стилей литературного языка. Возможно, именно комплексность задач, стоящих перед переводчиком поэтического текста, а также использование разностильных элементов речи делает перевод басен принципиально сложным. Такое утверждение традиционно опирается на характеристику языка Крылова, близкого к народной речи с ее живой разговорной интонацией и насыщенностью идиомами, устойчивыми словосочетаниями, пословицами и поговорками. Каким же образом передается национальное и историческое своеобразие в переводах на другие языки? Наше внимание привлекла работа двух самых известных переводчиков басен Крылова на болгарский язык Георгия Райчева и Христо Радевского.

Названия басен «Тришкин кафтан» и «Демьянова уха» вошли в фонд русской фразеологии как стереотипные обозначения двух ситуаций: «о чем-либо назойливо, навязчиво предлагаемом тому, кто этого не хочет» и «о том, когда устранение одних недостатков влечет за собой возникновение других». Названия басен как концентрирован-

ный знак, несущий в себе смысловую нагрузку и экспрессию, требуют и особого внимания при их передаче в переводах. У Х. Радевского название почти полностью совпадает с оригинальным: «Тришкиният кафтан». Сохраняется ключевая реалия – название старинной русской мужской долгополой верхней одежды, без изменений остается имя героя – Тришка (эмоционально-пренебрежительная форма имени Трифон). Дополнительную конкретность и достоверность повествованию придает членная форма притяжательного прилагательного имени (*Тришкиният*). У Г. Райчева наблюдаем явное стремление к стиранию русского колорита при сохранении исторического: «Иванчова аба». Переводчик сразу обнаруживает свой подход поиска максимального сближения с миром болгарского читателя. Прагматическая адаптация текста осуществляется заменой лексем функциональными аналогами: *Иванчо* – ласково-уменьшительная форма имени Иван (негативная оценочная функция деминутивного суффикса *-чо* значительно слабее по сравнению с русским соответствием), *аба* – старинная болгарская верхняя мужская одежда из плотной стеганой шерстяной ткани. В названии басни «Демьянова уха» оба переводчика выбрали примерно один и тот же вариант: «Демянова чорба» (Хр. Радевского) и «Дамянова чорба» (Г. Райчева). Номинация блюда более обобщенная. Болгарское слово *чорба* обозначает суп вообще, а не только особый рыбный суп. Это слово относится к разговорной лексике и имеет синоним с нейтральной стилистической окраской *супа*. Имя героя басни у Г. Райчева снова получило более привычную для болгарского читателя форму: *Дамян*. Сосед, которого Демьян угощал так настойчиво, что ему пришлось убежать (Фока), остался с таким именем и в болгарских текстах, но и здесь Г. Райчев не преминул сделать шаг к «оболгариванию» героя, назвав его *бай Фока* (*бай* почтительное, уважительное обращение к более взрослому мужчине). Рискнем предположить, что Фока остался Фокой и из-за того, что и в других баснях Крылова (напр. «Крестьянин в беде») персонажи, выполняющие роль соседа, названы этим именем. Можно сказать, что передача личных имен болгаризированными вариантами является твердой установкой переводческой концепции Георгия Райчева. Так, например, персонажи басни «Волк и кот» *Степан*, *Демьян*, *Трофим*, *кум Клим* в переводе Г. Райчева фигурируют как *Младен*, *Петър*, *Иван*, *бай Стан*, герои басни «Два мужика» *кум Фаддей* и *кум Егор* – под именами *Крум* и *Петър*, даже

собаки из басни «Собачья дружба» (Полкан, Барбос) получили более привычные болгарские имена *Караман* и *Мурджо*. А у ребенка из басни «Гребень», обозначенного Крыловым просто как *дитя*, в переводе Райчева есть вполне конкретное и очень распространенное имя мальчика *Петю*.

В баснях «Демьянова уха» и «Тришкин кафтан» используется лексика, которую можно определить как обозначения этнографических реалий: пища, напитки: *уха*, *лещик*, *стерлядь*, *потроха*; одежда и ее составные части: *кафтан*, *кушак*, *шапка*, *фалды*, *полы*, *камзолы*. У Крылова составные части уха выстроены в ряд: *Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!* Такое разнообразие должно сломить сопротивление уже наевшегося соседа. Последним в завлекающем перечне не случайно оказывается кусочек стерляди – ценной промысловой рыбы семьи осетровых. У болгарских переводчиков этот ряд представлен по-другому: *ей чига*, *на, платиката или чревцата* (Г. Райчев); *на рибки, дреболии, на парченце чига* (Хр. Радевски). Наблюдаем разные подходы к переводу лексем: 1) с использованием словарного эквивалента *стерлядь* – *чига* (болг.), *лещ* – *платика* (болг.); 2) функционального эквивалента *потроха* – *дреболии, чревца* (болг.); 3) генерализации *лещ* – *рибки* (болг.). Выбор соответствий лексемам, описывающим одежду и ее элементы в басне «Тришкин кафтан» лимитирован дополнительно художественной идеей Крылова – в результате всех необдуманных действий Тришки получился кафтан, который уже нельзя назвать кафтаном из-за того, что он потерял главную особенность этого вида одежды – длину. Кафтан стал короче даже той одежды, которую должен превосходить по длине, например, камзолов (камзолы – старинная короткая мужская одежда, обычно без рукавов, впоследствии заменена жилетом). На месте пары *кафтан* – *камзолы* в переводах видим: *кафтан* – *куртки* (Хр. Радевски); *аба* – *елек* (Г. Райчев.). Более точен здесь в плане сохранения исторического колорита и денотативного соответствия перевод Г. Райчева. *Куртка* в современном болгарском языке близка камзолам только по длине, отличается наличием закрытого воротничка и больше связывается с униформой солдат или школьников. *Елек* – короткая, до пояса, верхняя одежда, обычно без рукавов. В переводах «Демьяновой ухи» наблюдаем обратное явление. Более близким к нашему времени оказывается выбор Г. Райчева: Схватя в охапку кушак и шапку – *грабна* (схватил) *си шапката*,

колана (у Хр. Радевского: *заграбва своя калтак и пояс*). Функционально схожи денотаты, обозначаемые лексемами *кушак* (пояс, обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура) – болг. *пояс* (длинный и узкий кусок ткани, окутывающий поясицу) и *колан* (лента из кожи, ткани или другого крепкого материала для опоясывания); *шапка* болг. *шапка* и *калтак* (кожаная шапка, ворсом наружу). Варианты, выбранные Хр. Радевским, более близки к оригиналу в историческом плане, но в меньшей степени отражают национальный колорит, поскольку *калтак* и *пояс* являются типичными элементами традиционной болгарской мужской одежды.

Национальную специфику текста басни Крылова «Демьянова уха» придают также некоторые специфические обращения и формулы речевого этикета. Они органично включены в художественную структуру, а их варьирование способствует нагнетанию напряжения в ожидании развязки ситуации: *Соседушка, мой свет, Миленький дружочек, Мой милой*. Первое и третье к тому же содержат архаизирующие лексические стилистические компоненты и особенности в произносительном варианте прилагательного с русской (народной). Необычную архаическую форму слова в обращении можно отметить только в переводе Г. Райчева: *драга мой*. Переводчики постарались передать эту особенность оригинала, используя средства, которыми располагает болгарский язык: *съседко, мили мой, мили* (Хр. Радевски); *съседе, драга мой, човече* (Г. Райчев). Следует отметить более развернутый характер обращений в русском тексте и их большую частотность. В лексических структурах текстов басен «Тришкин кафтан» и «Демьянова уха» обозначены некоторые национально-специфические культурные модели и понятия коммуникативного поведения в русском обществе, не имеющих точных соответствий в болгарской культуре. Двухязычные словари не могут в таких случаях раскрыть полное содержание этих явлений. Их значимость для концептосферы языка подтверждается широтой словообразовательного гнезда: *чван, чванный, чванство, чваниться; щеголь, щеголять*. Как они представлены в оригинале и в переводах басен?

1. *Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют – а те – в Иванчева аба са пременени* (Г. Райчев); *и гледаш: Тришкинът кафтан облекли* (Хр. Радевски). Здесь реализуются оба значения глагола: нарядно, щегольски одеваться; выставять что-л. напоказ, стараться

произвести выгодное впечатление. В резюмирующей концовке текста чувствуется также ирония автора – смешно и нелепо щеголять тем, что выставляет тебя в плохом свете. Оба варианта перевода дают ограниченное представление о сути явления – у Хр. Радевского люди с подобным поведением просто одеты в Тришкины кафтаны, у Г. Райчева – они одеты в новую, нарядную одежду.

2. *Зато уж чванных не люблю – а мразя преструванците* (ненавижу притворных, лицемеров, делающих вид, что обладают качествами, которыми не отличаются) (Г. Райчев); *аз горделиви не търпя* (не терплю горделивых) (Хр. Радевски). Чванство, по данным словарей русского языка, следует понимать как проявление тщеславия, гордости, спеси, кичливости, важничанья, надменности. В одном переводе показана только неестественность поведения, а в другом подчеркнута больше сема неверной оценки собственной значимости.

3. *Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку // И не давал ему ни отдыху, ни сроку – така гощаваше без отдих и без жал съсед Дамян съседа си бай Фока* (Г. Райчев); *Така Демян съседа Фока угощавал и ни за миг той отдих му не давал* (Хр. Радевски). Префигированный глагол в переводе Хр. Радевского, имея в своем значении интенсификаторы *добре* (хорошо) и *богато*, ближе к оригиналу. Являясь синонимом глагола *угощать*, лексема *потчевать* содержит в своей внутренней форме идею «читать, почитать, оказывать честь», которая в ироническом плане присутствует в тексте Крылова. Более редкое употребление глагола *потчевать*, по сравнению с синонимом, придает тексту басни добавочную экспрессию. Для двух анализируемых текстов характерна насыщенность устойчивыми словосочетаниями, разговорными конструкциями, деминутивами. Уменьшительные формы (10) характерны для басни «Демьянова уха», что связано напрямую с ее сюжетом. Интересно, что эта особенность языка отражена в разной степени переводами – у Г. Райчева она представлена слабее (7), а у Хр. Радевского – сильнее, чем в оригинале (13). Некоторые фразеологизмы и грамматические особенности слов у Крылова несколько отличаются от аналогичных в современном русском литературном языке: *смеются Тришке*; *сбирается с последней силой*; *нужды нет*. Архаические элементы в языке переводов представлены ограниченным количеством лексем: *нивга* (вм. *никогда*), *лакте* (вм. *лакти*) (Г. Райчев), *Тришкинът кафтан* (вм. *Тришкиният*), *негли* (как будто)

(Хр. Радевски.). Разговорность, как яркая стилистическая характеристика оригинальных текстов, отражена в переводах по возможности единицами тех же языковых уровней (междометия, частицы, устойчивые синтаксические схемы). У Г. Райчева чаще встречаются разговорные и просторечные варианты слов – *що* (вм. *какво*), *таз* (вм. *тази*), *тогаз* (вм. *тогава*), *твойта* (вм. *твоята*), сокращенные формы *веч* (вм. *вече*), *ощ* (вм. *още*). Хр. Радевски тоже использует такой лексический материал, но в меньшем количестве, добавляя к нему и другие решения, например, употребление редких экспрессивных слов в необычном оформлении (*лизетец* – вкус, сладость; *ощечко* – деминутив от наречия *още* (еще)).

Можно сказать, что обоим переводчикам в целом удалось донести до болгарского читателя особенности содержания и формы басен Крылова. Национально-культурная специфика текста, однако, в некоторых случаях была раскрыта ими не до конца. Причиной этому стали установка на прагматическую адаптацию к особенностям восприятия болгарской читательской аудитории и специфика индивидуального подхода к оригиналу.